

Научная статья
УДК 94(470.5)“1862–1917”+323.22
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-4-923-932>

Введение института полицейских урядников на Урале: опыт иерархического кластерного анализа

Сергей Михайлович РЯЗАНОВ

ФКОУ ВО «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
614012, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
s_ryazanov@mail.ru

Актуальность. Рассмотрено становление института полицейских урядников на Урале в последней четверти XIX века. Актуальность исследования заключена в том, что, несмотря на доскональное изучение личного состава полицейских урядников Российской империи, серьезных исследований уряднических участков практически не проводилось. Целью исследования явился анализ уряднических участков на Урале с помощью математико-статистического инструментария.

Материалы и методы. В качестве методологии среднего уровня выбрана теория модернизации России. Ключевым методом исследования избран многомерный анализ данных об уряднических участках.

Результаты исследования. Рассмотрено построение многофакторной типологии уряднических участков на Урале в 1878 г. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании курса «История правоохранительных органов России».

Выводы. Реформа 1878 г. не смогла создать на Урале органов полиции, адекватных бурному росту населения и обширности территорий. Хотя большинство уездов Южного Урала можно считать намного более легкими для патрулирования, чем в Вятской и Пермской губерниях. В 20 % уездов Урала патрулирование участков одним всадником на практике оказалось неосуществимым.

Ключевые слова: Вятская губерния, количественные методы, корреляционный анализ, метод «дальнего соседа», многомерный анализ, Оренбургская губерния, Пермская губерния, полицейская реформа, Уфимская губерния, цифровая гуманитаристика

Для цитирования: Рязанов С.М. Введение института полицейских урядников на Урале: опыт иерархического кластерного анализа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 4. С. 923-932. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-4-923-932>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-4-923-932>

Establishment of subaltern officer's institute in the Ural: experience of hierarchical cluster analysis

Sergey M. RYAZANOV

The Perm Institute of the FPS of Russia
125 Karpinskogo St., Perm, 614012, Russian Federation
s_ryazanov@mail.ru

Importance. The formation of subaltern officer's institute in the Ural in the last quarter of the 19th century is considered. The importance of the research lies in the fact that, despite a thorough study of the subaltern officers personnel of the Russian Empire, serious researches of subaltern officers' sites were practically not carried out. The purpose of the research is to analyze the subaltern officers' sites in the Ural with the help of mathematical and statistical tools.

Materials and methods. The Russian modernization theory is chosen as a medium-level methodology. The key method of the study is the multidimensional data analysis on the subaltern officers' sites.

Results and Discussion. The construction of a multifactorial typology of subaltern officers' sites in the Ural in 1878 is considered. The results obtained can be used in teaching the course "History of law enforcement agencies of Russia".

Conclusion. The reform of 1878 failed to create police bodies in the Ural adequate to the rapid growth of the population and the territories' extensiveness. Although most of the counties of the Southern Ural can be considered much easier to patrol than in the Vyatka and Perm governorates. In 20% of the counties of the Ural, patrolling sites by one rider turned out to be impracticable.

Keywords: Vyatka governorate, quantitative methods, correlation analysis, "far neighbor" method, multidimensional analysis, Orenburg governorate, Perm governorate, police reform, Ufa governorate, digital humanitaristics

For citation: Ryazanov, S.M. (2023). Establishment of subaltern officer's institute in the Ural: experience of hierarchical cluster analysis. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 4, pp. 923-932. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-4-923-932>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Сегодня противоречивые взаимоотношения власти и общества, сложившиеся в эпоху «Великих реформ» Александра II, изучаются, по большей части, в рамках модернизационной парадигмы. Одним из важных низовых акторов, на котором лежала обязанность снижать негативные последствия процесса перехода к индустриальному обществу, в 1878 г. стал полицейский урядник. Изучение формирования института полицейских урядников представляет, таким образом, огромный интерес для понимания жизни России в

переходную эпоху. Исторические исследования, развернувшиеся в постсоветский период [1–4], накопили более чем значительный фактографический материал по данной теме, в том числе на примере отдельных регионов империи [5–7]. Достаточно сказать, что об одних только краткосрочных курсах для полицейских урядников, которых за все время существования института было создано не более двух десятков, написана обстоятельная коллективная монография [8] и более двух сотен статей [9]. Однако перехода количества исследований в качество до настоящего времени не наблюдается. Так, еще в 1885 г.

либеральный юрист И.Т. Тарасов называл недавно введенный институт урядников «дорого стоящим и более вредным, чем полезным», а самих нижних чинов «необразованными и невежественными лицами, вступление которых в полицейскую службу не обуславливается ровно никаким цензом»¹. В советские годы как в отношении полицейских урядников, так и полиции в целом, благодаря работам В.И. Ленина, данное представление считалась единственно верным. Например, в одном из учебных пособий 1974 г. сообщалось: «Вся деятельность полиции в России была основана на нечестности, грубости и рукоприкладстве»². Эта традиция была продолжена и на современном этапе развития историографии. «Нищенские оклады и бесконтрольность урядников и стражников на местах определили злоупотребления, насилие к населению и вымогательство» [10, с. 148], – заключал в 2012 г. Д.А. Ялтаев. Еще до революции сформировался и диаметрально противоположный взгляд на полицейского урядника. «...Урядники... завоевали доверие населения, и в их лице деревня впервые получила удовлетворительных полицейских агентов...»³, – утверждалось в официальной истории МВД (1901 г.). После празднования 300-летия полиции в 2018 г. ученые из ведомственных вузов МВД стали совершенно солидарны со своими дореволюционными коллегами. «Система вольного набора, возросшие критерии к личным и профессиональным качествам полицейских, открытие школ по подготовке урядников, в целом реализация Временного положения о полицейских урядниках способствовали организационному укреплению разрозненного штата, началу «профессионализации» кадров низшего звена полиции и, как следствие, повышению профессиональной компетенции

сельской полиции» [1, с. 357] – сообщалось в одной из относительно новых публикаций (2020 г.). Таким образом, за прошедшие полтора столетия историки и юристы так и не смогли реализовать принцип объективности по отношению к полицейским урядникам. Их оценка как в XIX веке, так и на современном этапе определялась собственными взглядами ученых и идеологическими конструктами, для которых неосознанно (а в советские годы, вероятно, вполне целенаправленно) подбирались «нужные факты» из источников.

Для того чтобы приблизиться к реализации принципа объективности не на словах, а на деле, в последние годы были предприняты попытки использования математического метода – просопографического анализа. На основе сохранившихся массовых исторических источников (послужных и иных списков полицейских урядников)⁴ были построены коллективные портреты этого должностного лица в отдельных регионах России [11]. Однако нужного эффекта, как видно из приведенного выше примера, исследования не достигли. Дело в том, что коллективный портрет, в силу ограниченности источников, на основе которых создан, не дает ответа на многие вопросы. Какова, например, доля заслуженных поощрений полицейских урядников, а какие были обусловлены хорошими отношениями с начальством? Какова среди нижних чинов, уволившихся «по домашним обстоятельствам», доля полицейских, совершивших правонарушения, которые начальство решило не афишировать, а каков процент ушедших по иным причинам? Ни традиционные, ни количественные методы исторической науки не позволяют это определить.

В этой связи представляется логичным обратиться не к самим урядникам, а к участникам, которые они контролировали. Именно здесь принцип объективности реализуется в полной мере, так как данные о «протяженности», «населенности», «числе селений и волостей» в урядническом участке не имело

¹ Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М.: Тип. А.П. Мамонтова и Ко, 1885. С. 58, 59.

² Воробейкова Т.У., Дубровина А.Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев: [б. и.], 1973. С. 32.

³ Министерство внутренних дел [1802–1902]: ист. очерк. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1901. Кн. 1. С. 134.

⁴ Евсеев С.В. Полицейские урядники Тверской губернии 1878–1917 гг.: имен. указ. Тверь: Изд. А.Н. Кондратьев, 2014. 257 с.

никакого смысла искажать. При этом, если протяженность участка составляет несколько сотен верст, то неважно, кто занимает пост полицейского урядника и насколько этот человек порядочен, он, по объективным причинам, не сможет справляться со своими обязанностями.

Изучение участков 1878 г. важнее самих участковых и по той причине, что первые урядники, фигурирующие в списках 1878 г., по разным причинам оставили службу, тогда как их участки принципиальных изменений не претерпели. По данным на 1889 г., в Пермской губернии на службе осталось 4 полицейских урядника из 110 (3,6 %), нанятых в 1878 г. Сменились при этом не просто люди, но и социальные характеристики урядников. Абсолютное же число участков Пермской губернии не претерпело принципиальных изменений, увеличившись лишь до 123 (на 11,8 %). Если же при этом учесть, что увеличение числа участков отставало от роста населения губернии, то можно констатировать: за десятилетие относительное число уряднических участков даже уменьшилось⁵.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Характеризуя уряднические участки Южного Урала, Е.П. Сичинский писал: «Величину первоначально создаваемых уряднических участков трудно было назвать сопоставимой между собой» [12, с. 90]. К тому же выводу 1,5 столетия назад пришли авторы «Краткого очерка деятельности МВД» на основе формально-количественного анализа всех уряднических участков Российской империи⁶. Однако современные методы многомерного статистического анализа позволяют пойти дальше и создать типологию уряднических участков. Ранее автор уже использовал для анализа 194 уряднических участков Казанской и Пермской губерний кластерный

анализ методом k -средних [13]. В данном исследовании будет использован более распространенный в отечественной исторической науке вариант иерархической кластеризации.

«Суть его, – писал один из главных советских теоретиков квантитативной истории И.Д. Ковальченко, – в том, что в многомерном пространстве, соответствующем числу признаков... выделяются «скопления» сходных объектов... Учитывая это, и удастся путем математической обработки данных выделить кластеры, <...> группы объектов со схожими свойствами» [14, с. 434]. Сам И.Д. Ковальченко использовал кластерный анализ для аграрной типологии дореволюционного крестьянского хозяйства. Однако метод является универсальным. Так, недавно он был применен Ю.В. Кузьминым в истории техники [15].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из достоинств иерархической кластеризации является возможность визуализации результата в виде дендрограммы. Из этого следует и недостаток. Продемонстрировать и изучить дендрограмму, включающую около 500 уряднических участков Урала, существовавших в 1878 г., достаточно проблематично. В связи с этим для целей иерархической кластеризации были рассчитаны средние значения количества населенных пунктов, протяженности и численности населения уряднического участка для каждого из уездов, которых на 4 уральские губернии приходилось всего 34 (табл. 1). В поданных в Департамент полиции сведениях содержались данные и о числе волостей в каждом участке. Однако на Южном Урале границы волостей и уряднических участков часто не совпадали⁷, из-за чего от данного параметра было решено отказаться. Как резонно отмечает Ю.В. Кузьмин, применение метода кластерного анализа оправдано только там, где корреляция между различными характеристиками объектов слабая.

⁵ Рассчитано на основе данных: РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85-119; ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 62.

⁶ Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие, 1855–1880. СПб.: [б. и.], 1880. С. 81.

⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 31-48, 455-486.

Таблица 1
Средние характеристики уряднических участков по уездам Урала в 1878 г.⁸

Table 1
Average characteristics of subaltern officers' sites by the counties of the Ural in 1878

№ п/п	Уезд	Среднее число селений	Средняя протяженность (верст)	Средняя населенность (человек)
Вятская губерния				
1	Вятский	199,2	33,6	16758,2
2	Орловский	160,3	47,1	7642,5
3	Котельнический	227,3	57,4	15402,9
4	Яранский	111,4	55,3	16780,4
5	Нолинский	147,8	39,8	18276,8
6	Уржумский	110,1	51,1	17198,6
7	Малмыжский	43,6	31,6	10971,1
8	Елабужский	45,7	38,1	15135
9	Сарапульский	34,2	38,9	10733,4
10	Глазовский	125,9	62,2	14654,8
11	Слободской	125,3	56,8	7233,6
Оренбургская губерния				
12	Верхнеуральский	12,6	68,6	7124,4
13	Оренбургский	19,1	54,6	10062,1
14	Орский	28	84,3	7220,1
15	Троицкий	9,3	44,1	5547,5
16	Челябинский	24,2	46	10720,7
Пермская губерния				
17	Верхотурский	37,3	95,4	14868,1
18	Екатеринбургский	19,9	59,1	17815,3
19	Ирбитский	31,4	50,2	14219
20	Камышловский	44,4	63,1	23493,1
21	Красноуфимский	33,5	54,6	13330,2
22	Кунгурский	104,8	60,1	11122,4
23	Осинский	79,1	116,7	22980,4
24	Оханский	289,9	63,3	27083
25	Пермский	193,3	68	12430,2
26	Соликамский	252	112,4	18001,8
27	Чердынский	141	191	14297,8
28	Шадринский	41,1	161,9	26361,3
Уфимская губерния ⁹				
29	Белебеевский	24,6	62,7	9074,8
30	Бирский	37,8	57	12420
31	Златоустовский	12,5	31,5	7385,5
32	Мензелинский	28,2	44,4	12422
33	Стерлитамакский	24	100,6	8494,8
34	Уфимский	28	52	13902

⁸ Рассчитано на основе данных: РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 57. Л. 201-254; Там же. Д. 58. Л. 31-48, 85-119, 455-486.

⁹ Данные о численности населения участков Уфимской губернии приводятся условно в связи с тем, что в поданных сведениях указывалась только численность мужского населения участков (кроме Белебеевского уезда). Для вычисления примерного количества жителей участков обоего пола (кроме Белебеевского уезда) численность мужчин умножалась на долю женского населения уезда (без учета городов). Например, в Уфимском уезде женщин проживало на 4,6 % меньше, чем мужчин, следовательно, число жителей участков Уфимского уезда умножалось на 1,956.

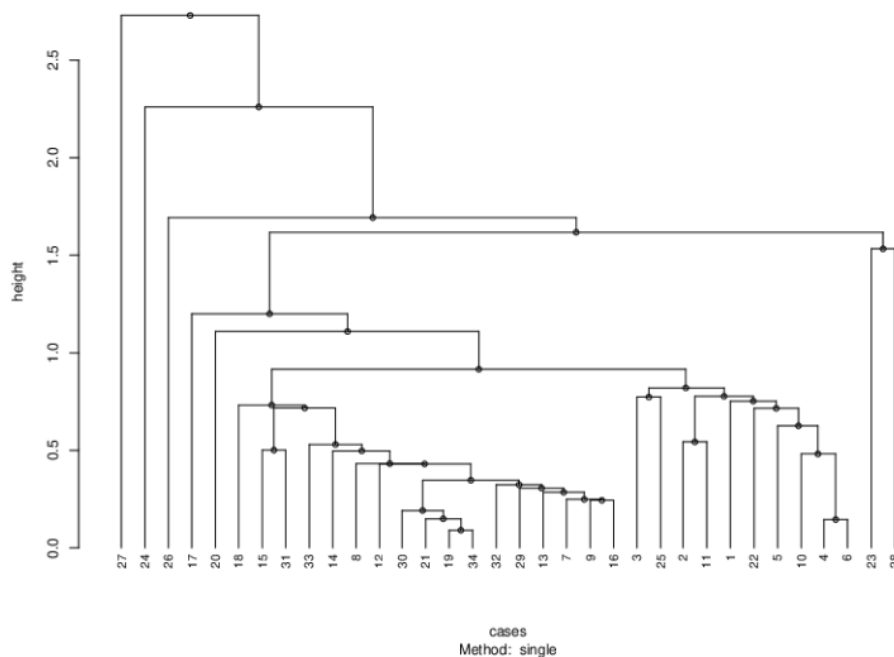

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа средних характеристик уряднических участков уездов Урала в 1878 г. по методу «ближайшего соседа»

Fig. 1. Dendrogram of the subaltern officers' sites average characteristics of the Ural counties in 1878 cluster analysis by the "nearest neighbor" method

Если же все они связаны, то объекты было бы гораздо проще классифицировать по какому-либо одному признаку [15]. Для признания корреляции существенной необходим коэффициент 0,8. В данном же случае даже усредненные данные по уездам обладают весьма слабыми связями. Так, коэффициент корреляции для населенных пунктов с протяженностью и численностью населения составляет 0,12 и 0,4 соответственно, а между средней для уездов протяженностью уряднического участка и численностью населения – 0,34¹⁰. Из последней цифры можно также сделать важный вывод о том, что никакой ощутимой компенсации большой протяженности уряднического участка за счет его малой населенности или наоборот на Урале не существовало.

Далее, чтобы сделать значения сопоставимыми между собой, каждое из них было

разделено на среднеквадратичное отклонение. Полученные результаты были обработаны в программе П. Весса "Hierarchical Calculating"¹¹ методом «ближнего соседа» (Single Linkage), то есть когда каждый последующий объект присоединяется к первичному кластеру наиболее близких объектов (рис. 1). Однако в результате такого подхода значительное число уездов Пермской губернии выделилось в отдельные кластеры, что, к слову, подтверждает выводы предшествующих ученых о несхожести уряднических участков друг с другом. Однако подобное распределение сильно затрудняет дальнейшую классификацию.

Для более наглядной классификации был использован метод «дальнего соседа» ("Com-

¹⁰ Рассчитано на основе данных табл. 1.

¹¹ Wessa P. Hierarchical Clustering (v1.0.5) in Free Statistics Software (v1.2.1), Office for Research Development and Education. 2017. Available at: https://www.wessa.net/rwasp_hierarchicalclustering.wasp/ (accessed: 22.12.2022).

plete Linkage”), в котором каждый из уездов первоначально считается отдельным кластером, а затем они, исходя из близости точек друг другу, начинают объединяться (рис. 2).

На основе полученной дендрограммы можно разбить уезды на 6 кластеров. К первому, наиболее обширному, относится 20 уездов: 5 (45,5 %) Вятской, 5 (100 %) Оренбургской, 4 (33,3 %) Пермской и 6 (100 %) Уфимской. Данные уезды можно назвать наиболее простыми для патрулирования. В них относительно невысокие средние показатели по населенности (10084,5), протяженности (55,9) и числу населенных пунктов (43,2). В силу географической распространенности можно дать этой группе уездов менее оценочное название – «южноуральский тип». Следующий кластер, состоящий из Екатеринбургского и Камышловского уездов Пермской губернии (16,6 %), можно назвать «густонаселенным», так как он имеет весьма скромные для Урала показатели числа насе-

ленных пунктов (32,2) и протяженности (61,1), но по населенности превосходит предыдущий кластер почти в 2 раза (20654,2). Третий кластер включает 7 уездов. Их можно назвать «разбросанными» ввиду значительного числа селений (152,6), при средних показателях населенности (15790,6) и небольших, для Урала, по протяженности (55,6). Он включает 6 (54,5%) уездов Вятской губернии и всего 1 (8,3 %) Пермской. В силу этого данный кластер можно обозначить и как «предуральский тип». Четвертый кластер представлен Оханским и Соликамским уездами Пермской губернии (16,6 %), средние характеристики которых по числу жителей более чем в 2 раза превосходят первый кластер (22542,4), а по числу селений – в 6 раз (271). Средняя протяженность участков сравнительно небольшая (87,8), что позволяет условно обозначить эту группу как уезды с «разбросанными и перенаселенными» участками. Пятый кластер включает всего 1 уезд –

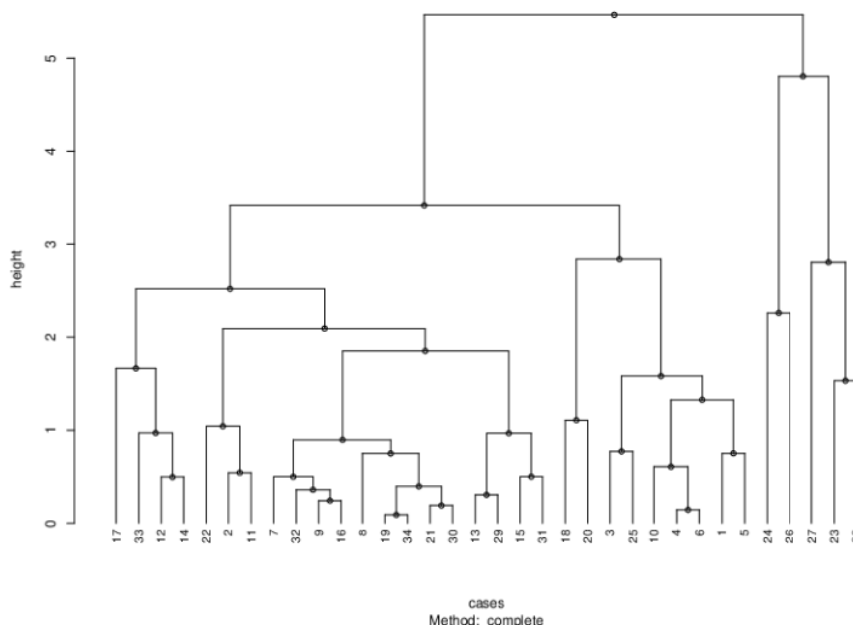

Рис. 2. Дендрограмма кластерного анализа средних характеристик уряднических участков уездов Урала в 1878 г. по методу «дальнего соседа»

Fig. 2. Dendrogram of the subaltern officers' sites average characteristics of the Ural counties in 1878 cluster analysis by the "far neighbor" method

Чердынский Пермской губернии. Участки здесь можно условно назвать «огромными».

Выделение одного уезда в отдельную категорию может показаться нецелесообразным. Однако, учитывая несхожесть его характеристик с другими уездами, присоединить его к какой-либо другой группе невозможно. Последний кластер включает Осинский и Шадринский уезды Пермской губернии (16,6 %). Участки здесь можно назвать «большими и густонаселенными», так как при не самых больших средних характеристиках по числу селений (60,1) две оставшихся более чем в 2 раза превосходят первый кластер: 139,2 версты, 24670,9 жителя (рис. 2; табл. 1).

ВЫВОДЫ

Таким образом, в наиболее выгодном положении оказались после реформы 1878 г. Оренбургская и Уфимская губернии, а в

наименее – Пермская. В целом, на Урале почти в половине уездов участки были, в силу различных причин, достаточно сложными для патрулирования, а в каждом пятом уезде исполнение полицейскими урядниками «Инструкции» 1878 г. вряд ли вообще было возможно. Кроме того, создана классификация уряднических участков, которая позволила в полной мере реализовать возможности историко-типологизирующего метода:

- 1) южноуральский тип (58,9 %);
- 2) предуральский тип (20,6 %);
- 3) гусонаселенные (5,9 %);
- 4) большие и перенаселенные (5,9 %);
- 5) разбросанные и перенаселенные (5,9 %);
- 6) огромные (2,8 %).

Причем первый тип можно условно называть «легким», второй отнести к «сложным», а 4 последних типа – к «тяжелым» или, говоря откровенно, невозможным для патрулирования одним человеком.

Список источников

1. Алафьев М.К., Зверев В.О., Алафьев К.М. Институт полицейских урядников: кадровый состав, функции, профессиональная подготовка // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25. № 3 (82). С. 352-359. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-13016>, <https://elibrary.ru/mhiyfg>
2. Ахмедов Ч.Н. Политика государства и общественное мнение по формированию института полицейских урядников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (86). С. 10-18. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-10-18>, <https://elibrary.ru/cyahfr>
3. Ахмедов Ч.Н. Полицейские урядники в системе чинов министерства внутренних дел Российской империи // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (Навстречу 300-летию российской полиции): материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2016. Т. 1. С. 252-255. <https://elibrary.ru/xhvdwn>
4. Невский С.А. Полицейские урядники в Российской империи // Общество и право. 2004. № 3 (5). С. 49-51. <https://elibrary.ru/qywgmx>
5. Пулькин М.В. Урядники: специфические черты правоохранительной деятельности (по материалам Олонецкой губернии) // Политика, государство, право. 2013. № 10. <https://elibrary.ru/riftpz>
6. Тюрин В.А. Должность полицейского урядника в Российской империи конца XIX – начала XX в. (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1-1 (82). С. 211-215. <https://elibrary.ru/onvmln>
7. Хакимов С.Х. Формирование института полицейских урядников в Уфимской губернии (80-е – 90-е гг. XIX в.) // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии: материалы Всерос. науч. симпозиума, посвящ. 100-летию со дня рожд. видного рос. историка-археографа Натальи Федоровны Демидовой / под ред. Ю.М. Абсаямова, Г.Б. Азаматовой, А.Я. Ильясовой и др. Уфа: Уфим. федер. исслед. центр РАН, 2021. С. 283-290. <https://doi.org/10.31833/978-5-91608-197-8-40>, <https://elibrary.ru/glpwjy>

8. Нахимов А.П., Кирос А.В., Колесников В.А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Воронеж: Воронеж. ин-т МВД России, 2018. 445 с. <https://elibrary.ru/ozkgel>
9. Нахимов А.П., Кирос А.В., Колесников В.А. Отечественная историография профессиональной подготовки нижних чинов уездной полиции в Российской империи как элемент общей историографии Российской полицистики // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 9-33. <https://elibrary.ru/umuedm>
10. Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 156 с. <https://elibrary.ru/qssmbj>
11. Ситников К.А. Социальный портрет полицейского урядника уездной полицейской стражи Юго-Западных уездов Воронежской губернии в 1915 г. // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 9-21. <https://elibrary.ru/vjkpyx>
12. Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005. 266 с. <https://elibrary.ru/qwjvwy>
13. Рязанов С.М. Участки полицейских урядников в 1878 г.: опыт количественного исследования (на примере Казанской и Пермской губерний) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 5. С. 41-51. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.5.38868>, <https://elibrary.ru/grmwyw>
14. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с. <https://elibrary.ru/xpqbkx>
15. Кузьмин Ю.В. Эволюция истребителей между мировыми войнами: применение кластерного анализа в истории техники // Историческая информатика. 2021. № 1 (35). С. 66-130. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.1.35084>, <https://elibrary.ru/lidpff>

References

1. Alaf'ev M.K., Zverev V.O., Alaf'ev K.M. (2020). Institution of village police constables: personnel, functions, professional training. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogics in Law Enforcement*, vol. 25, no. 3 (82), pp. 352-359. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-13016>, <https://elibrary.ru/mhiyfg>
2. Akhmedov Ch.N. (2020). State policy and public opinion on the formation of the institution of police village constables. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2 (86), pp. 10-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-2-10-18>, <https://elibrary.ru/cyahfr>
3. Akhmedov Ch.N. (2016). Politseiskie uryadniki v sisteme chinov ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi imperii [Police officers in the rank system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire]. In: Nizhnik N.S. (ed.). *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii «Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (Navstrechu 300-letiyu rossiiskoi politzii)»: v 2 t.* [Proceedings of the International Scientific and Theoretical Conference “State and Law: Evolution, current state, development prospects (Towards the 300th anniversary of the Russian police)”]: in 2 vols.]. St. Petersburg, The St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., vol. 1, pp. 252-255. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xhvdwn>
4. Nevskii S.A. (2004). Politseiskie uryadniki v Rossiiskoi imperii [Police officers in the Russian Empire]. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, no. 3 (5), pp. 49-51. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qywgmx>
5. Pul'kin M.V. (2013). The constable: specific features of the law enforcement activity (based on Olonetsk province). *Politika, gosudarstvo, pravo = Politics, State and Law*, no. 10. (In Russ.) <https://elibrary.ru/riftpz>
6. Tyurin V.A. (2011). Dolzhnost' politseiskogo uryadnika v Rossiiskoi imperii kontsa XIX – nachala XX v. (na materialakh Srednego Povolzh'ya) [The position of a police officer in the Russian Empire of the late 19th – early 20th century (based on the materials of the Middle Volga region)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University*, no. 1-1 (82), pp. 211-215. (In Russ.) <https://elibrary.ru/onvmln>
7. Khakimov S.Kh. (2021). Formirovanie instituta politseiskikh uryadnikov v Ufimskoi gubernii (80-e – 90-e gg. XIX v.) [Formation of the institute of police officers in the Ufa governorate (80–90s of the 19th century)]. In: Absalyamov Y.M., Azamatova G.B., Il'yasova A.Y. (eds.). *Materialy Vserossiiskogo nauchnogo simpo-*

- ziuma, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya vidnogo rossiiskogo istorika-arkheografa Natal'i Fedorovny Demidovoi «Gosudarstvennyi apparat upravleniya v imperii Romanovykh: effektivnost' deyatel'nosti vlastnykh struktur i byurokratii» [Proceedings of the All-Russian Scientific Symposium Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of the Prominent Russian Historian-Archeographer Natalia Fedorovna Demidova "State Administration Apparatus in the Romanov Empire: the Effectiveness of Government Structures and Bureaucracy"]. Ufa, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 283-290. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/978-5-91608-197-8-40>, <https://elibrary.ru/glpwjy>
8. Nakhimov A.P., Kiros A.V., Kolesnikov V.A. (2018). *Professional'naya podgotovka nizhnikh chinov uездnoi politzii v Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX veka* [Professional Training of the Lower Ranks of the County Police in the Russian Empire in the late 19th – early 20th century]. Voronezh, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 445 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ozkgel>
 9. Nakhimov A.P., Kiros A.V., Kolesnikov V.A. (2019). Domestic historiography of professional training of the lower ranks of rural police in the Russian Empire as element of the general historiographies of Russian police science. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, no. 2, pp. 9-33. (In Russ.) <https://elibrary.ru/umuedm>
 10. Yaltaev D.A. (2012). *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' politzii v chuvashskikh uezdakh Kazanskoi gubernii v 1862–1917 godakh* [Law Enforcement Activities of the Police in the Chuvash Counties of the Kazan Province in 1862–1917]. Cheboksary, I.N. Ulyanov Chuvash State University Publ., 156 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qssmbj>
 11. Sitnikov K.A. (2021). Social portrait of a rural police officer of the south-western counties of the Voronezh province in 1915. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia*, no. 2, pp. 9-21. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjkpyx>
 12. Sichinskii E.P. (2005). *Politsiya Yuzhnogo Urala v period krizisa samodержavii* [The Police of the Southern Urals during the Crisis of Autocracy]. Moscow, 266 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qwjvwj>
 13. Ryazanov S.M. (2022). Precincts of police officers in 1878: the experience of quantitative research (on the example of Kazan and Perm provinces). *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya = History Magazine: Researches*, no. 5, pp. 41-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.5.38868>, <https://elibrary.ru/grmwy>
 14. Koval'chenko I.D. (2003). *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of Historical Research]. Moscow, Nauka, 486 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xpqbkx>
 15. Kuz'min Yu.V. (2021). Evolution of fighter aircrafts in the interwar years: cluster analysis in history of engineering. *Istoricheskaya informatika = Historical Informatics*, no. 1 (35), pp. 66-130. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2021.1.35084>, <https://elibrary.ru/lidpff>

Информация об авторе

Рязанов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Пермь, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>
s_ryazanov@mail.ru

Поступила в редакцию 03.02.2023
Поступила после рецензирования 28.04.2023
Принята к публикации 19.05.2023

Information about the author

Sergey M. Ryazanov, PhD (History), Associate Professor of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, The Perm Institute of the FPS of Russia, Perm, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>
s_ryazanov@mail.ru

Received 03.02.2023
Revised 28.04.2023
Accepted 19.05.2023